

Павел Пономарёв

Родился в Рубцовске. Окончил филологический факультет Алтайского государственного педагогического университета. Работал преподавателем русского языка и литературы.

Публиковался в толстых литературных журналах «Сибирские огни», «Алтай», «Дальний Восток», «Урал», «Юность» и др. Лауреат премии «Лицей» (2019) в номинации «Проза». Автор книги прозы «Мышиные песни». Живет в Барнауле.

БОТИНКИ

Накануне 98-го мои старые ботинки пришли в негодность, и я начал мечтать о новых — кожаных, теплых, с натуральным мехом. Купить обувь значило месяц кормиться из погреба. Купить обувь значило событие бытия и праздник. Купить обувь значило не облажаться.

В школе могли простить немодный портфель (ходили с пакетами), спортивные штаны в паре со свитером — пофиг, как у всех. На обувь же, особенно зимнюю, всегда обращали внимание. Хороша ли, каков материал, фасон. Высунут ли меховой язычок наружу для понта. Куда вдеваются шнурки: в ушки обычные или металлические с клепками, имеется ли система быстрой шнуровки с крючками вверху. Протектор на подошве — отдельная вселенная и тема эстетических споров: с обычными ли полосками или елочкой, с замысловатыми ли лабиринтами или почти голый со стремными пупырышками... Смешно подумать, но выпавший снег для кого-то мог стать поводом для торжества, а для кого-то — серьезной драмой в жестоком подростковом мире. Каков след, таков и ответ.

Обувью в Рубцовске торговали на северной стороне центрального рынка. Валенки, бурки, сапоги, ботинки всех мастей стояли на ступенчатых прилавках, закрытых тентом от снега. Стал приглядываться. Разумеется, кожаные, разумеется, с натуральным мехом, потому как и сумма вроде бы позволяла. По возрасту мне давалась полная свобода выбора. «Главное, чтоб тебе нравились».

Я уже знал, как отличить натуральную кожу от искусственной, пацаны научили — затушить об нее спичку или пройтись зажигалкой. Если прожжешь — липа. Но такой эксперимент, коту понятно, на рынке невозможен. Тут либо смотреть на цену, либо довериться уверениям торгаша, на заросшем лице которого не читалось ничего, кроме похмелья. Мех тоже следовало подпалить, но его природу легче определить на глаз.

В условиях естественного отбора, усиленного предновогодней суетой, запахом хвѳи и смутными надеждами на будущее, следовало быть особенно осторожным. Как известно, плоды Лоха серебристого — даже после крещенских морозов — значительно уступают ближневосточным финикам.

Однако ясному и беспристрастному выбору мешала «мечта». То, растревоженное возможностью человеческого счастья ожидание, готовое сорваться ломающимся подростковым «ура». Пока мечта поживала себе в сторонке, мозг работал и анализировал, отбирал возможные варианты. Когда же я увидел прилавки с обувью, почуял на морозе едковатый запах крашеной кожи, рассудок уступил сомнительным ощущениям. Мне вдруг взбрело в голову, что ботинки непременно должны быть черного цвета, с клепаными отверстиями для шнурков, на толстой узорчатой подошве. Суровые, производящие впечатление ботинки (типа «гриндерсы», о которых тогда не знал), чтобы каждый снегопад был непременно моим с уходящими вдаль глубокими многозначительными следами. Практически сотканые из грез ботинки тут же попались мне на глаза, и выбор пал на них.

Я был уверен, что черным ботинкам с мощной подошвой, оставляющей внушительный тракторный след, не то что сносу нет, а я просто вырвал из рук того мутного торгаша удачу. Может, он даже тосковал потом, наблюдая с табурета в товарную прореху медленный снег. Ботинки я носил всюду. Возил на санях воду

из колонки за две улицы — домой и в баню, а в баню требовалось не менее пяти ходок. Чистил в них снег, тогда как были рабочие валенки, лазил по сугробам в забок. Никто не препятствовал моей безоглядной щенячьей радости.

В школе пацаны уважительно и немногословно заценили покупку, не переставая долбить ладонями по жвачным вкладышам на столах в целях перевернуть. Такая была игра. В ботинках стало проще выходить к доске на нелюбимых уроках, «почва» не терялась под ногами, но ощущалась как никогда. Так продолжалось какое-то время, пока однажды на изгибе ботинка, образовавшемся от частой ходьбы, не обнаружили мелкие подозрительные трещины. Не естественные и где-то даже стильные морщинки, подтверждающие качество натурального материала, а подлые злокачественные трещины. Да и сам изгиб больше походил на излом, будто след тупого колуна, что никак не свидетельствовало в пользу эластичности вещества, если бы то оказалось кожей.

Эйфория мигом улетучилась. Хотелось поскорее сбежать из школы, оказаться дома, уединиться и тщательно осмотреть ботинки, чтобы оценить насколько там всё печально. Или показалось... Бывает же так, что показалось, налипло что-то, а во все не белые тканевые волокна, наспех крашенные китайским рабочим, ехидно торчат. Давление там после шести-то уроков, усталость лютая, аж в глазах рябит, как «Апокалипсис сегодня» на «Горизонте»... Опасения подтвердились. Стоило лишь немного согнуть ботинок, как он щерился дрянным изломом, носком указывая на перспективу долгой сибирской зимы, которую следовало как-то проходить.

К весне я стал неплохим танатопрактиком, колдуя с обувными кремами, красками и клеем, так что мои «франкенштейны» выглядели хоть и подозрительно, но сносно, как улыбающийся терминатор. В школе, когда не прятались под партой, ноги освоили все возможные хореографические позиции, уклоняясь от чужих глаз.

Дотянув до первого тепла, ботинки рассыпались в прах. Я переобулся в надежные демисезонные туфли, но осадочек остался. И когда много позже, студентом, я получил первую зарплату дворника, подметая осенние дворы, то решил потратить ее на хорошие ботинки — кожаные, теплые, с натуральным мехом.

Нужнее были дорогие французские струны для академического концерта, но прошлое не оставляло. Прокуренная борода торгаша где-то там трепыхалась на морозном ветру, шелестели миновавшие младшую сестру гостинцы, белели указующие персты одноклассников... «Такие глупости, когда под шум куцей метлы в голове звучит "Сарабанда" Баха», — оправдывалось настоящее.

Ботинки я купил удачно и просто на старом барнаульском рынке. Приценился, ощупал обувь, хитро переглянулся с продавцом для общего удовольствия (хоть и серебримся на морозе, а не лохи), упаковал в сумку обнову и похрустел дальше. Ботинки отслужили три года с хвостиком. Оставалось немного денег, зашел в закусочную, выпил стопку водки, согрелся, порозовел. Подумал: «Может, оно и ничего, что струны старые? Как-нибудь обойдется...»

ХОЛОД

Нужно дожидаться тепла. Батареи холодные, но надежда есть. Сантехник Григорич всё еще берет трубку и, очевидно, под хмельком утешает: «Не дрейфь, ёптеть, всё образуется». Я очень надеюсь. Я стараюсь. Я старателен в надежде и уповании.

Домашние растения — лавр, денежное дерево и два фикуса — смотрят на меня печально-зеленым, почти как люди. Отчего жутко. «Когда, мичурин ты наш?» «Скоро», — обнадеживаю, не веря. Один хороший человек с тревогой заметил: «Не рано ли ты начал ощущать растения?» — когда я поведал о своем растениеводстве. Я долго потом смеялся, пока не охрип. К счастью, утаил, что еще и разговариваю с ними.

Смотрю в окно: снежок на жухлой траве, кленах, тополях, типа как в «Ассе», типа Ялта в снегу. Ту-ту-ту... Мерзкий снежок. Отвратительный снежок. Остывший чай парит, как разлюбленный вейпер. Совсем несложно продрогнуть до мысли, что тепло в трубах не появится никогда. «Григорич!» — «А?» — «Живой?» — «Да вроде, ёптеть». — «Приходи воду сливать, я тебе новые бахилы купил...»

Вскоре появилось тепло. Растения расчеловечились и посветтели, уйдя в свою вегетативную нирвану. Кофта и шерстяные носки отправились в шкаф. Снежок радовал глаз — белое на зеленом, ах. И только давешнее переохлаждение мешало вынуть руки из карманов, чтобы запечатлеть кадр. Григорича при встрече я называл Георгием, не замечая его грустной ухмылки. Я дождался тепла. Скорее в тепло! И теперь меня трудно было бы уверить, что тепла может не быть, что батареи могут остыть в любую минуту, а после превратиться в лед, напустив в мой дом черную стужу. Я привык.

СРЕДИ ВЫСОКИХ ДЕРЕВЬЕВ

Я очнулся среди высоких деревьев в ровном движении. Были сумерки, по снегу шелестели сани, движимые силой отца. В тишине улицы поскрипывал его размеренный шаг, темнела спина, а по сторонам горели окна домов.

Запрокинув голову, я наблюдал, как раскачиваются деревья и мерцают звезды. Деревья и звезды — еще без имени, первобытно-маящие, как сон. Но сон отступил.

Отец, наверное, о чем-то думал, когда шел. Теперь я вижу, что спина его чуть сутула и задумчива. Молодой, светлый, тихий отец шел и думал, пока вез меня в чужое тепло детского сада.

Он не знал, что я очнулся среди высоких деревьев и смотрю наверх. Он думал о чем-то своем — со своей высоты — и темнел надежной спиной.

А я очнулся в холоде, потому что всюду был снег, ветер раскачивал деревья, но мне было тепло и странно. Почему — отец, деревья, снег, мерцающие огни, редкие прохожие в валенках?.. И всё это со мной и для меня...

Мимо пробежала большая черная собака. Я услышал вблизи ее частое дыхание и, пожалуй, заплакал бы от страха, если бы не отцова спина. Если бы мерцали огни, раскачивались деревья, сновали чужие тени, бежала собака, а отца не было.

Хотелось уснуть, чтобы всё исчезло, провалиться в уютное забытьё, но было поздно и странно. Пахло древесным дымом,

шелестели сани, раскачивались деревья, и исчезали звезды. Моргали мои ясные глаза, дыхание создавало ледяную корку на шарфе, которую я пробовал лизнуть. Небо светлело.

Отец обернулся. Я увидел его усталый любящий взгляд, смешную шапку с ушами и ответил улыбкой.

На завтрак давали кашу.

СОБИРАТЕЛЬ АККОРДОВ

Он приехал из деревни по каким-то делам в город и постоянно кружил возле нашей компании. Вернее — мелькал своей рыжей курчавой головой. Мы тогда собрали рок-группу и репетировали по выходным на Шлакоблочном. Имени паренька я не помню, звали его просто: собиратель аккордов.

Нас он как-то сразу и чрезмерно зауважал и, судя по всему, не только за экзотический по деревенским меркам внешний вид. Впрочем, ничего особенного: старые джинсы, фенечки, хайр. Скорее всего, паренек впервые увидел настоящих в его понимании рок-музыкантов. А уж про магию электрогитары с фуззом я и не говорю...

На нашу беду, паренек находился в неофитском плену обучения игры на шестиструнной гитаре. Он восторгался и грезил, как библейский пророк. Кто проходил искушение гитарой, знает: банальные ля миноры для слабаков. Откровение наступает лишь тогда, когда интуитивно нащупываешь, сползая непослушными пальцами по грифу, свои аккорды. Сколько глупых препятствий и озарений испытывает начинающий гитарист, как бы открывая музыку и самого себя заново. Чего стоит главная инициация посредством баррэ, зажатого на первом ладу переделанной дедовской семиструнки. Многие после такой душевной травмы на гитару и вовсе не глядят.

Но паренька трудности не пугали. В любую свободную минуту он вежливо просил показать ему «какой-нибудь интересный аккорд». И мы показывали. Собиратель аккордов с тетрадой не ходил и ничего не записывал — снимал с рук. Поняв

техническую сторону аккорда, он осторожно его наигрывал — боем или перебором, как бы распробывая его потенциал, настроение, скрытую изнанку... Поиграв, глушил струны ладонью, смотрел в окно на осеннюю хмарь, чему-то про себя улыбался, будто продолжая следить за жизнью звуков вовне.

Когда наш запас «интересных аккордов» был исчерпан, паренек куда-то пропал. Даже тот, кто привел его в нашу компанию, растерянно пожимал плечами. Репетиции становились короче, а чаепития за осенними разговорами — длиннее. Будто странный рыжеволосый паренек вместе с аккордами прихватил с собой и наш энтузиазм.

Как-то зашедший на чай приятель сказал, что паренька видели в городе, в других компаниях, что и там он собирал аккорды. Ходили слухи, что собирательство его — глупость, а играть он толком и не научился. Другие говорили, что в город паренек ездил за новой гитарой, вернулся в деревню и разлабался как бог. Как знать...

Может, этот рыжеволосый человек, слившийся в моем сознании с осенью, и теперь ходит по стране в поисках интересных аккордов. А собрав, раздаривает нуждающимся. Встретит человека с грустным лицом, спросит:

— Как жизнь?

— Да так. Первый блатной, второй блатной, лесенка...¹

И подарит ему солнечный ля мажор.

БЕСКОРМИЦА

Ветер горстями бросает в снег маленьких серых птиц. Солнечная метель куролесит во дворе, словно у влюбленной девицы, открывшей кухонной гари окно, выдуло всю муку наружу.

¹ Просторечное («дворовое») название гитарных аккордов Am, Dm, C.

Маленькие серые птицы шныряют в ногах прохожих. Ноги — худые и толстые, в кроссовках и валенках, с палочками и без — приплясывают на льду. Лед — коварный и насмешливый хореограф. Люди, которые с палочками, не ведая, носят имена птичьих богов. «Чирикус» на птичьем — бог.

Чирикусы ходят с одноразовыми пакетами до тех пор, пока от логотипа не останется одно бледное «мра». Затем, тщательно наслонив кончик химического карандаша, подрисовывают в конце жирное «к» и, перекрестившись, сжигают в печи. Некоторые, впрочем, складывая изношенные пакеты «матрешкой», продолжают хранить в них летнюю землю для рассады, пока с балкона не зазеленеет от любопытства клен или береза.

Маленькие серые птицы похожи на разбросанные ветром прыгающие угольки, в сердцевине которых чудом сохраняется тепло для жизни. Пернатые, набожно кланяясь, ожидают чирикуса у старого дворового капища — безрукого, спиленного до кочерыжки тополя, покрашенного детьми в синий цвет. Дети — празднорастущие чирикусы, они веселы и жестоки, как античные боги. Могут высыпать в стаю упаковку семечек, купленную на последние деньги, а могут скормить раненого воробья подвальному коту. С одинаковым трепетом наблюдая, как происходит жизнь.

Чирикус идет не спеша, смотрит безучастно и кротно на зимний двор, как на выцветшие сорокалетние обои в прихожей. Когда становишься частью двора, его шаркающим призраком, действительность, призванная удивлять, уходит на время покурить за гаражи. Ей хватает подростков, топчущихся там же, за гаражами, и требующих хриплыми голосами немедленных чудес.

Птичий же бог бесстрастен. Лишь когда покажется синее дерево, чирикус немного ускорит шаг и сожмет в дугу бескровные губы выражением радости или боли. Или радости и боли разом. Улыбкой это не назовешь, поэтому дети с криком разбегаются и прячутся кто куда. Птичий бог долго развязывает пакет с хлебными крошками, поднося узел ко рту, чтобы отогреть скрюченные холодом пальцы. Прислоненный к дереву костыль соскальзывает и падает... Дети выглядывают из укрытий — сугробов и кленов. Им жаль чирикуса, но подойти боятся. Лишь вопросительно по-птичьи переглядываются и смеются своей дурацкой неловкости.

Жертва чирикусу — мелкие серые перья, оставленные птицами после ритуального танца с посвистыванием и поклевыванием друг друга. Эти перья чирикусы собирают в желтый пакет и уносят домой. Наполняют жертвенными перьями вышитые цветами наволочки и спят на них, не зная боли и страха. Уснуть удастся не всем. И поздний одинокий ужин за голыми окнами (страшно, думает из дома напротив, когда нечего больше скрывать) сменяется бесцельным хождением из комнаты в комнату между тенями тех, кто напомнил бы тебе твое имя. А покусившийся на сокровенность чужой жизни и свой хрупкий покой наблюдатель еще долго не сможет уснуть, видя перед собой кивающую над кухонным столом белую голову.

Чирикус надевает мышинового цвета пальто, сует в карманы пакеты, берет палку и сам оборачивается птицей. И порой случается у двери, что вынутый морщинистой рукою ключ вдруг выскальзывает из серого большого крыла и прячется с помощью валенка под коврик.

Ночь принимает чирикуса, как верная подруга всех иных и безродных, умеющая хранить тайны. Она приглушает ветер и гул городской возни, чтобы обнаружить глухое постукивание картонных кормушек о кроны деревьев. Угодить тем самым чирикусу, его слуху и увидеть в его потухших глазах желание будущего дня.

Один за другим на темных тополиных тропках появляются чирикусы в птичьем обличе. Молча, по-монашески, кланяются друг другу и подходят к железным бакам. Если палка выбивает погребальный звон — плохо, не повезло, нужно идти к следующей кормушке. Вязкая тишина — хорошо, только бы удержать тяжелые пакеты слабыми крыльями...

Впечатлительный мальчик, всю ночь смотревший в окно, наутро спросит у мамы: «А птицы разве бывают в валенках?» Мама обеспокоится чутким воображением ребенка, прольет кофе на скатерть, но, как педагог со стажем, ответит, что иногда встречаются. Потрогает мальчиков лоб и убедит выпить горькие таблетки от нервов. Мальчик и после таблеток втайне станет поглядывать на двор, но увидит лишь снег — мелкий и усыпляющий... скучный. Снег заметет ночные следы.